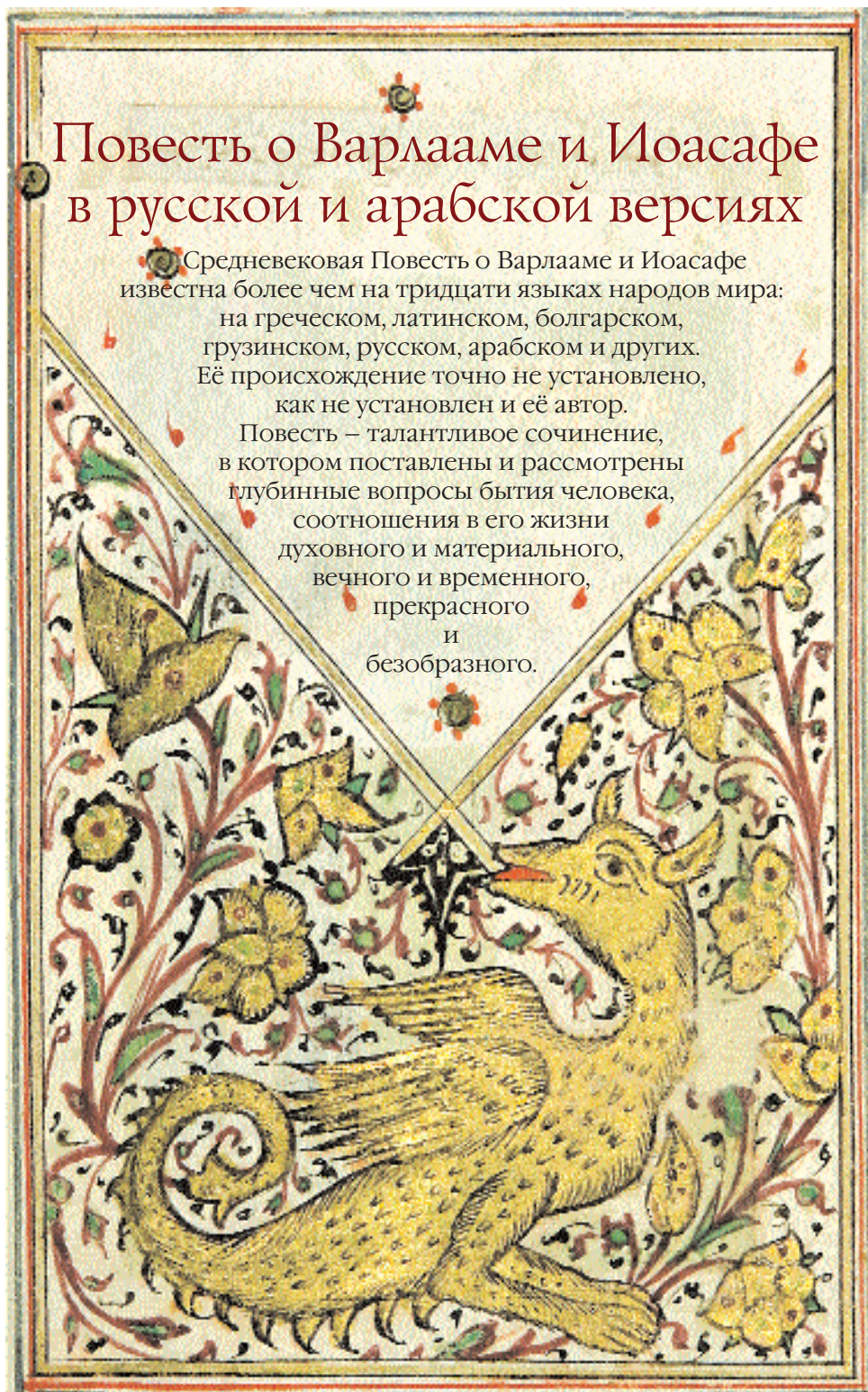

Иван Лёвочкин

Повесть о Варлааме и Иоасафе в русской и арабской версиях

Средневековая Повесть о Варлааме и Иоасафе известна более чем на тридцати языках народов мира: на греческом, латинском, болгарском, грузинском, русском, арабском и других. Её происхождение точно не установлено, как не установлен и её автор.

Повесть – талантливое сочинение, в котором поставлены и рассмотрены глубинные вопросы бытия человека, соотношения в его жизни духовного и материального, вечного и временного, прекрасного и безобразного.

**Иван Васильевич
Лёвочкин** – доктор
исторических наук,
заведующий сектором
НИО рукописей РГБ.

Иллюстрации на с. 55–67 –
из арабского лицевого списка
Повести о Варлааме и Иоасафе.
Собрание рукописей А.С. Норова.
НИОР РГБ. Ф. 201, № 44.

В центре Повести два героя – отшельник Варлаам, живущий высокими духовными идеалами, и сын царя-язычника Авенира Иоасаф, который стал учеником Варлаама, отказался от всех земных благ и ушёл к своему учителю в пустынь, где и прожил всю оставшуюся жизнь, совершая подвиг отшельничества. После смерти Варлаама и Иоасафа на их могиле являлись различные чудеса исцеления недужных и больных. Повесть насыщена многочисленными и самыми разнообразными происшествиями, связанными с жизнью её героев, преимущественно царевича Иоасафа. В ней множество острых, мудрых и поучительных сюжетов.

В период Средневековья Повесть распространялась в рукописных списках. Некоторые из них изданы, причём списки на русском языке издавались не только в виде наборного текста, но и фототипически (См.: Житие и жизнь преподобных отец наших Варлаама пустынноика и Иоасафа царевича Индийского. СПб., 1887 (ОЛДП, № 88); Лебедева И.Н. Повесть о Варлааме и Иоасафе: Памятник древнерусской переводной литературы XI–XII вв. Л., 1984). Однако на современный русский язык ни один из русских списков полностью переведён не был. Что касается списков

на арабском языке, то они также издавались, причём один из них был переведён на современный русский язык и издан в СССР (Повесть о Варлааме пустынноике и Иоасафе царевиче Индийском. Перевод с арабского академика В.Г. Розена с введением академика И.Ю. Крачковского. М.–Л., 1947).

Современная исследовательница Повести о Варлааме и Иоасафе И.Н. Лебедева сравнила несколько русских и южнославянских списков этого замечательного памятника и установила их общие и отличительные признаки. Интересно сопоставить текст одного из известных опубликованных русских списков Повести с текстом переведённой на русский язык и опубликованной арабской версии этого сочинения. Прежде всего, очевидна общность их содержания. Однако рус-

Переплёт рукописной книги выполнен в традиционной восточной манере. На первой крышке переплёта – два экслибриса: Московского публичного и Румянцевского музеев; А.С. Норова.

Разворот Повести с рисунками.

ская версия существенно отличается от арабской объёмом текста. Текст здесь более сдержан и немногословен в сравнении с арабским, где ярко выражены витиеватость и восточное «плетение словес». Кроме того, в русской версии последовательно утверждается православная религия, упоминается Иисус Христос, чего в арабской версии практически нет. И совершенно не случайно пустынный Варлаам и царевич Иоасаф (а также и отец Иоасафа царь Авенир) в Русской Православной

церкви почитаются как святые (память о них 19 ноября / 2 декабря).

Однако иногда тексты русской и арабской версий Повести совпадают почти дословно. Например, обращения царя Авенира к своему вельможе, который склонялся к отрицанию роскоши, в том и другом случае очень близки по смыслу. Правда, в русской версии оно несколько короче, но зато и выразительнее (Тексты цитируются по изданию И.Н. Лебедевой и по переводу акад. В.Г. Розена):

Всюду, окаянне, самъ свое изглагола погибиле, якоже есть в той части въводяшю тя, изостри бо умъ купно и языкъ; неразумно нѣкую пустотную суетныхъ словесъ научися. Да аще быхъ исперва слово не глаголалъ к тебѣ от свѣта ярость отгнати, нынѣ убо плоть твою огневи предалъ быхъ. Зане, варивъ таковыми глаголы, утверди мя, терплю твое дерзновение любве радѣ, юже имамъ к тебѣ. Въставъ убо, бѣжи от очю моею, да тебѣ не вижду и злѣ ты погублю.

Ты солгал, ты не постиг ничего и не добыл ничего, кроме несчастья и забот. Уйди и не оставайся нигде в моём царстве, ибо ты развращённый и развращающий и, если бы не любовь, которая нас соединяла, я сделал бы тебя примером для устрашения людей. Итак, уйди и не оставайся здесь; и я клянусь тебе, если увижу тебя где бы то ни было в моем царстве после этого моего приказанія тебе, я тебя накажу; вот я тебя предупредил о том, что может произойти между нами.

Ряд сюжетов Повести, которые есть в арабской версии, в опубликованном И.Н. Лебедевой русском списке опущены. Например, опущена речь Иоасафа к отцу, сюжеты о соблазнах, с помощью которых царь Авенир пытался отвлечь сына от его духовных исканий и др. Между русской и арабской версиями Повести имеются и некоторые другие отличия. В частности, порой не совпадает последовательность изложения тех или иных сюжетов.

Среди весьма многочисленных русских списков Повести о Варлааме и Иоасафе есть и иллюстрированные. Миниатюры в них исполнены, как правило, в очерковой манере. В арабской версии также имеется лицевой список. Он хранится в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки, в собрании рукописей А.С. Норова, видного государственного деятеля России, учёного и путешественника (РГБ, НИО рукописей. Ф. 201, № 44). Арабская книга этого собрания имеет краткое описание, выполненное самим А.С. Норовым (на французском языке, со ссылкой на библиографа Императорской публичной библиотеки Р. Минцлова), которое было опубликовано еще в 1868 г. (Библиотека Авраама Сергеевича Норова. СПб., 1868). Это описание не отличается точностью. В нём, например, неправильно указано количество листов рукописи и количество имеющихся в ней миниатюр. Есть и более позднее описание этой книги, которое было выполнено в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина в 1953 г. и которое осталось в машинописном виде (Описание собрания рукописей Авраама Сергеевича Норова [ф.] 201. М., 1953. Машинопись). Оно также очень краткое и в значительной степени формальное, но в нём правильно указано количество миниатюр, содержащихся в книге. Кроме того, в этом описании име-

Первый разворот книги с изображением Иоанна Дамаскина

ется ссылка на «подробное» описание данной рукописи академиком Б.А. Дорном. Названные описания малоизвестны, первое – потому что книга А.С. Норова, в которой оно опубликовано, уже давно является библиографической редкостью, а второе – потому, что оно существует всего лишь в трёх машинописных экземплярах.

Что же представляет собой эта лицевая арабская рукописная книга? Прежде всего, необходимо оговориться, что автор не ставит перед собой задачу текстологического сопоставления арабской версии Повести с другими (русскими и арабскими) списками данного произведения. Эта тема специального исследования. В данной статье характеризуется лишь сама эта книга, её конструктивные и художественные особенности в сравнении с русскими рукописными книгами. Насколько известно, подобной попытки ещё никто не пред-

и началом текста повести.

принимал, а между тем это весьма интересно и важно.

Материальная основа и приёмы изготовления Норовского списка Повести о Варлааме и Иоасафе не имеют принципиальных отличий от соответствующих показателей русских рукописных книг. Её переплет «восточного» типа – картон в тонкой коричневой коже с клапаном. В русской традиции такие переплеты называются «в сумку». Тиснение переплета более скромное по сравнению с тиснением большинства русских рукописных книг. Оно представляет собой простую двойную рамку с тремя орнаментированными «средниками» (по одному на крышках и на клапане). На обороте первой крышки два экслибриса – Московского публичного и Румянцевского музея и А.С. Норова. Здесь же надпись на французском языке, которая в переводе читается примерно так: «Эта уникальная

рукопись представляет собой единственную известную до середины XIX в. Повесть [о Варлааме и Иоасафе] на арабском языке».

Книга датирована (7215 = 1707 г.) и содержит имена книгописца и заказчика: книгописец – Юханна валад Никуда Язиджи. Заказчик – Вахбах бен эль Хадж Элиас Халлат. Книгописец был, несомненно, талантливым каллиграфом, и если этот мастер исполнил ещё и изобразительный ряд этого интереснейшего памятника, то его с полным основанием можно считать и не менее талантливым орнаменталистом и художником-миниатюристом. Что же касается заказчика, для которого была создана эта книга, то он, безусловно, был представителем склонной к христианству арабоязычной образованной знати.

В книге 227 листов форматом 21,7 x 16,4 см., три первых листа без первоначального текста. Бумага (хлопковая) хорошего качества с водяным знаком «виноградная кисть под короной». Сохранность листов книги в целом вполне удовлетворительная. Текст

Повести на листах книги заключён в простую, но изящную рамку, состоящую из четырёх разноцветных линий. Поля книги широкие, и рамки с текстом на листах производят впечатление вполне самостоятельных, законченных произведений каллиграфии. Начало текста украшено *унваном* (заставкой) с прекрасным орнаментом тонко стилизованной растительности. В тексте многочисленные значки в виде кружочков с редкими зубчиками. Составные части текста Повести заканчиваются «воронкой», что встречается и в русских рукописных книгах.

Тексты русских рукописных книг также нередко оформлялись рамками, а в самом тексте, как и в данном случае, помещались «звездочки» или же крупные «точки».

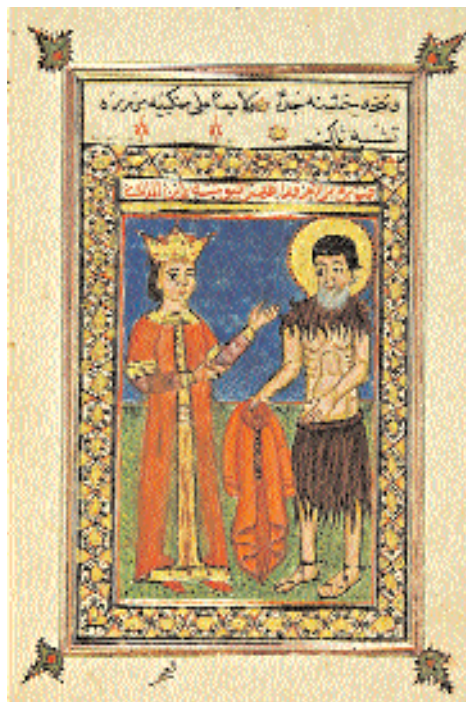
Первые 15 листов текста Норовской Повести украшены рисунками, которые располагаются на широких полях рядом с текстом.

Лист 49. Иллюстрация к притче о птице, попавшей в силки.

Лист 18. Царевич Иоасаф с наставником.

Лист 93. Варлаам показывает своё одеяние царевичу.

Эти рисунки представляют собой простые и чёткие композиции, в основе которых прекрасные деревья-цветы, не реалистические, а стилизованные, на которых или рядом с которыми размещены «змеи», «звери» или же птицы – тоже не реальные, а фантастические. Интересно отметить, что на поле л. 9 изображён шестикрылый серафим в обрамлении стилизованных веточек. Исполнены все эти рисунки различными красками и золотом.

В русских рукописных книгах также имеются полевые украшения. Однако они в основном представляют собой высокие «цветы», иногда с птичками на их «ветвях». «Змеи» и «звери», подобные расположенным на листах Норовской Повести о Варлааме и Иоасафе, встречаются в более ранних русских рукописных книгах (XIII–XV вв.) в виде инициалов и заполнения заставок или же фронтисписов. Это так называемая *тератология*.

В книге 28 высокохудожественных миниатюр (в опубликованном А.С. Норовым Описании указано 22). На выходной миниатюре изображён Иоанн Дамаскин, один из выдающихся отцов и учителей христианской церкви. Миниатюра помещена в прекрасную орнаментированную рамку, которая «стоит» на спине некоего зверя с поджатыми ногами. Верх рамки с миниатюрой украшен изящной композицией, состоящей из тонких веточек и цветов. Сбоку нарисовано тонкое деревце-цветок, стембель которого обвили две переплетенных друг с другом «змеи», а на их извивах – две птички с раскрытыми клювами. Миниатюра богата своей цветовой гаммой, созданной различными красками и золотом. Святой Иоанн Дамаскин изображён в чалме и с нимбом. Он сидит в роскошном кресле со свитком в руках и сосредоточенно смотрит на этот свиток. Его босые ноги покоятся на

Лист 204. Бесы, являющиеся Иоасафу в виде огромных змей и страшных зверей.

низкой подставке. По сторонам нимба помещена надпись, указывающая на имя изображённого. Не исключено, что изображение святого Иоанна Дамаскина на выходной миниатюре Норовской Повести о Варлааме и Иоасафе не случайно, и заказчику книги было известно, что автором этого творения был именно Иоанн Дамаскин. В русских лицевых рукописях изображённые на миниатюрах персонажи также нередко «подписывались». Так, на выходной миниатюре одного из русских списков Повести о Варлааме и Иоасафе также изображён Иоанн Дамаскин и в верхней части этой миниатюры обозначено его имя (см. указ. факс. изд., с. 32).

Важно отметить, что изображаемые на выходных миниатюрах русских (и не только русских) рукописных книг святые, представляют автора тех творений, которые помещены в соответствующей книге.

Остальные 27 миниатюр арабской рукописи из собрания А.С. Норова – это иллюстрации к соответствующим сюжетам сочинения. На большинстве из них мы видим царевича Иоасафа в разных бытовых сценах и беседах с наставником (не Варлаамом), а также со своим отцом и учителем (Варлаамом). Однако в книге есть и несколько миниатюр, где Иоасаф не представлен. На одной из таких миниатюр изображён человек, попавший в колодезь. Он держится за ветви дерева, которые снизу грызут две мыши – чёрная и белая, а между ними развёрстая пасть чудовища, готовая поглотить человека; чуть выше – четыре змеи, а над головой – «мёд». Эта удивительная миниатюра иллюстрирует известную притчу о бытии человеческом, в данном случае рассказанную Варлаамом царевичу Иоасафу.

Некоторые миниатюры очень близки по своему

смыслу и содержанию к миниатюрам русских рукописных книг. Например, изображения бесов на нескольких миниатюрах Норовской Повести почти такие же, как и на русских миниатюрах. В обоих случаях бесы чёрного цвета, с хвостами и с безобразными «лицами» и рогами. Они лишь отдалённо напоминают облик человека. Эти миниатюры свидетельствуют об одинаковом представлении о нечистой силе,

бытовавшими как в России, так и в арабоязычных странах Востока.

Представленная арабская версия Повести о Варлааме и Иоасафе является драгоценным памятником культуры и искусства мирового значения. Автор данной статьи глубоко убеждён, что её необходимо издать факсимильно с приложением русского перевода текста и нескольких исследовательских статей.

Лист 211. Заключительная миниатюра Повести с изображением Иоасафа и Варлаама за столом.

И.Ю. Крачковский

Скитания одной легенды

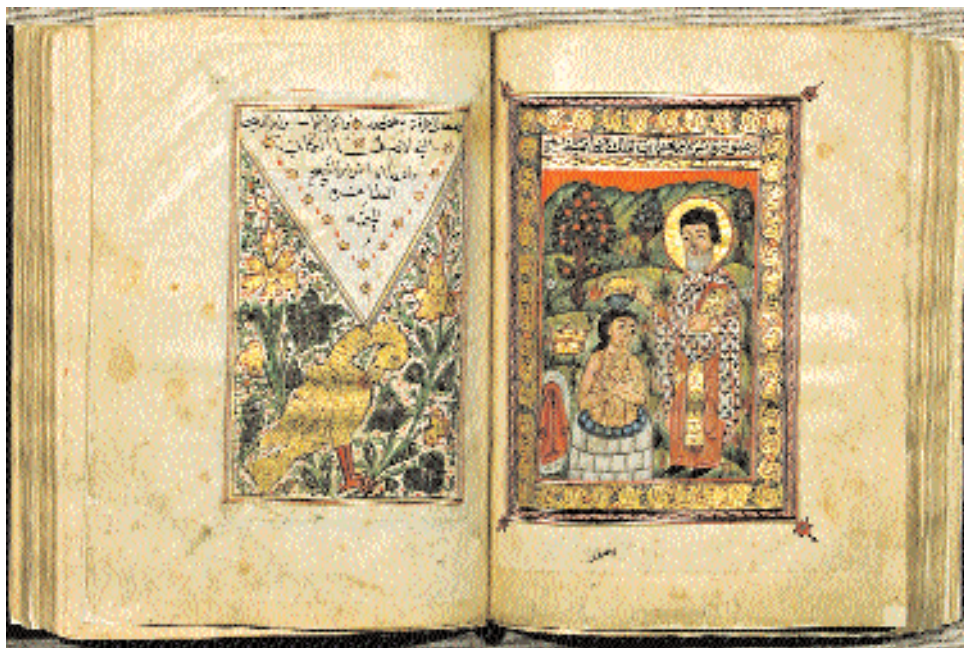
В истории религий, следовавших одна за другой, любопытным явлением оказывается сохранение старых божеств и святых в новой оболочке; меняются только имена, иногда настолько сильно, что их при первом взгляде с трудом можно узнать.

19 ноября православная церковь празднует память «преподобных Варлаама пустынноика, Иоасафа, царевича индийского, и отца его, царя Авенира». Знакомый с этими именами будет немало поражён, встретив в настоящей повести-житии вместо христианских святых — странные фигуры Билаухара, Будасфа и Джанайсара. Однако, если Будасф напомнит ему Бодисатву, одно из имен Будды, то в интересной историко-литературной загадке будут правильно намечены вехи. Бодисатва — Будасф — Иоасаф — вот внешние отражения тех скитаний, по которым проходила одна легенда о юности Будды, создавая на своём пути выдающийся памятник мировой литературы, одинаково близкий и Востоку и Западу. Литературу трудно отделить от жизни — и мы видим, как здесь легенда вызвала в жизнь образ одного из самых известных христианских святых, царевича Иоасафа. Его никогда не существовало в действительности, но своеобразная поэтичность этой фигуры, созданной человеческим творчеством, объединяет и буддиста, и христианина, и последователя Зороастра, и Мухаммеда, и манихейца.

Три имени названо: Бодисатва — Будасф — Иоасаф; они намечают не только литературные этапы легенды, но в то же время и указывают на всю обширность её распространения. Индия — с одной стороны, Ирландия или поморский север России — с другой; везде имя Иоасафа царевича было известно. Фон, на котором эта фигура появлялась, до крайности разнообразен: буддийское сказание, душеполезная повесть со скучными для нас догматическими рассуждениями, а рядом раскольничьи или скитские «стихи об Иоасафе прекрасном», «похвала мати-пустыни»; ещё рядом «Москвитянин» за 1845 г., где «Две повести» Жуковского, так же как более поздние «Три правды» Майкова 1861 г., — только далеко отделившийся ручеёк от того же источника. Всё это ростки одного корня, несмотря на большое разнообразие формы.

Как снежный ком с горной вершины, катилась легенда с высот Индии на запад, постепенно разрастаясь и принимая другой облик. Теперь нам почти невозможно установить, каково было её основное ядро, где позднейшие наращивания, тем более, что иногда мы

Фрагмент введения И.Ю. Крачковского к изданной в 1947 г. «Повести о Варлааме пустынноике и Иоасафе царевиче Индийском» в переводе акад. В.Г. Розена.

Лист 158 (слева). Тудас (Февда), вышедший к царю Абнеру.

Лист 100. Варлаам крестит царевича Иоасафа.

даже не знаем, каков был её вид в известные периоды. Самая архитектура легенды немало способствовала легкости её изменений. Сюжет, благодаря своей простоте, обыкновенно остается незыблемым. Царю или вельможе, у которого рождается долгожданный сын, предсказано, что он погибнет или изменит вере отцов, если узнает про несчастья, владычествующие на земле. Отец старается скрыть от него всю житейскую горечь, но тщетно: юноша узнаёт жизнь, а потом встречает отшельника, который внушает ему отвращение к благам мира сего. Он обращается к истинной вере, обращает своего отца и народ и, покинув мир, делается отшельником.

На фоне этого несложного сюжета, пережившего различные изменения в зависимости от той религиозной и социальной среды, в которую он попадал, нанизываются многочисленные наставительные рассказы и притчи. Обыкновенно они влагаются в уста благочестивому отшельнику, иногда самому Иоасафу или другим лицам. Эти притчи больше, чем простой сюжет Варлаама и Иоасафа, способствовали популярности повести; именно они и представляют тот подвижной зыбучий материал, который с особой лёгкостью мог принимать другие очертания, подвергаться изменениям, вставкам и сокращениям. Проследить историю этих притч в большинстве случаев крайне трудно уже потому, что мы не можем судить, какова была первоначальная форма легенды и объём входящих в состав её отдельных элементов. Ни одной версии на основном языке до нас не дошло; можно только гадать, на каком именно она была написана — на классическом ли языке старой Индии, санскрите, или священном языке цейлонского буддизма «пали», или, наконец, на одном из народных «пракритских» наречий. И первые шаги её выхода из Индии нам неясны. Находки старинных рукописей в песках Средней Азии открыли книги манихейцев. Среди различных отрывков нашёлся, между прочим, листок с притчей из «Варлаама и Иоасафа». Было бы соблазнительно думать, что именно манихейцы, очарованные нашею повестью, и передали её персам. Но всё это — только догадки; достоверно лишь одно, что и манихейцы несомненно знали нашу повесть. Более твёрдая почва под ногами у нас оказывается только в VI—VII вв., когда легенда получает письменную обработку в Иране при династии Сасанидов на пехлевийском или средне-персидском языке, основном литературном орудии Ирана этой эпохи. Насмешка судьбы, не пощадившей почти ни одного памятника этой литературы, за исключением чисто религиозных, не сохранила никаких остатков и пехлевийской повести о Варлааме и Иоасафе; всё-таки

Лист 167. Иоасаф и невольницы.

о ней можно строить некоторые предположения как на основании побочных данных, так и переводов на другие языки, которые делались, по видимому, с этой утраченной версии.

Появление повести на пехлевийском языке относится, вероятно, ко времени расцвета Ирана при Хосрое Ануширване (531–579 гг.). Его правление было эпохой оживлённого духовного обмена с соседними народами и странами. Из Индии к этому времени перекочевал знаменитый в мировой литературе животный эпос «Калила и Димна», появилась основа для сборника, вылившегося потом в форме «1001 ночи»; с Запада искали убежища в Иране последние неоплатоники, спасая свои идеи; даже «еретики»-несториане, изгнанные из православной Византии, нашли здесь приют и подходящую обстановку для своей ученой работы.

Наряду с упомянутыми памятниками, по всей вероятности, в это же время была переведена наша повесть. Пёстрый состав культурных работников в Иране позволил высказать одному учёному предположение о том, что переводчиком был не перс-зороастриец, а скорее христианин из сасанидских сирийцев, для которых пехлевийский язык был в такой же мере родным, как и свой сирийский. Это предположение подтверждается главным образом имевшейся уже в пехлевийской версии притчей о сеятеле, которая поражает своим сходством с евангельским рассказом. Признавая известную долю вероятности за вытекающим отсюда выводом о переводчике, не следует, однако, забывать, что при параллельном возникновении двух однородных литературных фактов возможна наличность общего для обоих источника. С такой же осторожностью высказывается предположение о том, что пехлевийская версия в эту же эпоху (VI–VII вв.) была переведена на сирийский язык; возможность перевода не исключается, но каких бы то ни было непосредственных следов его до сих пор не найдено.

Дальнейшим этапом в вековых скитаниях повести о Варлааме и Иоасафе является именно та версия, которая теперь впервые появляется в европейском переводе. И перед арабским текстом мы снова стоим, как перед загадкой, не встречая нигде определённых указаний, с какого языка, кем и когда он переведен. По счастью, ряд параллельных явлений даёт здесь достаточно надёжную руководящую нить для выхода из этого лабиринта. Если для старого Ирана эпохой литературного расцвета было время Хосроя Ануширвана, то для халифата такую же роль сыграл период первых Аббасидов (VIII–IX вв.), когда столица утвердилась в Багдаде — почти в той же культурной среде, где была сосредоточена духовная жизнь Сасанидской державы. И в результате мы видим вновь такое оживление, как и два века назад, видим ту же лихорадочную жажду и стремление впитать иноземную мудрость и литературу, встречаем, наконец, ту же пёструю среду деятелей, где в тесной, дружной работе рука об руку идут мусульмане, христиане, евреи и язычники из месопотамского Харрана, прославленного сво-

ими астрономами... Почти несомненно, что именно теперь, в VIII—IX вв., была переведена и арабская версия, которой мы располагаем, переведена, как предполагают, с утраченного пехлевийского оригинала.

Роль её в мировом распространении повести о Варлааме и Иоасафе поистине громадна. На ней основана возникшая в Палестине греческая версия, редактором которой долгое время по недоразумению считался Иоанн Дамаскин, живший значительно раньше. В свою очередь, от этой греческой редакции, помимо латинской и христиано-арабской, с которой связана эфиопская в Абиссинии, разветвились многочисленные славянские и западноевропейские. Кроме греческой, арабско-мусульманская версия дала ряд побегов на Востоке: известен средневековый еврейский перевод, ряд персидских и т.д. Несколько особ-

Лист 199. Иоасаф, молящийся за царя и всех подданных.

няком стоит грузинская редакция; есть предположение, что она более тесно связана с утраченной сирийской версией и, быть может, послужила даже оригиналом для греческой. Наша повесть захватила и чисто мусульманский мир не меньше, чем христианский. Неведомыми для нас путями она проникла в литературу шиитов, которые охотно воспринимали чужеземные легенды, приспособляя их к своим верованиям; отсюда, по-видимому, она перешла и в народную словесность мусульман, причем была приурочена к любимой сказочной фигуре — халифу Харуну ар-Рашиду, хорошо всем известному по «1001 ночи». Повесть вылилась в форму рассказа о «Субботнике» (ас-Сабти), сыне Харуна ар-Рашида. Один русский учёный нашёл этот рассказ даже у сибирских татар, в деревне, которая, что интересно отметить, в самом названии носит следы калмыцкого происхождения, т.е. связана с буддийской традицией. Рассказ сильно отличается от книжной повести, но всё же сохраняет её книжные черты: герой его — царский сын, презревший блага мира в поисках истинной жизни. Рассказ встречается и в «1001 ночи» и в других мусульманских книгах; существуют сказания о том, где погребён «Субботник», названный так потому, что он нанимался работать только в субботу, а остальную часть недели подвизался и учил людей праведной жизни. Одну из таких гробниц указывали в Багдаде, и к могиле «Субботника» совершали паломничество по субботам. Таким образом, мусульмане, сами того не сознавая, чтити Будду, имя которого служило у них в обычной речи символом языческого идола; христиане же превратили его в христианского святого.

Всем этим вопросам посвящён ряд специальных работ и детальных исследований, среди которых русские заняли одно из первых мест. Литература о Варлааме и Иоасафе очень богата и доступна в значительной части всем не специалистам.

Для нас было важно только установить значение арабской редакции в мировом распространении повести, после чего само собою выясняется, почему перевод именно арабской версии нашёл себе место среди изданий Академии Наук СССР. [...]

Олег Торчинский

Царевич Иоасаф.
Успенский собор Кремля. Фреска
алтарной преграды. 1481.

Принц Сиддхартха в Успенском соборе

Кто из нас не любовался фресками Успенского собора Кремля, многоцветным ковром, покрывающими стены, колонны, своды... Вот только времени никогда не хватает, чтобы разобраться в огромном пантеоне христианских святых.

Одних знают все, других – лишь большие знатоки, скажем, епископа Лампсакийского Парфёна или Иоанна Кушника. А есть и вовсе непонятные. Уже более пяти веков (с 1481 г., когда собор расписывали лучшие мастера московской школы во главе с великим Дионисиєм) бытует на алтарной преграде изображение загадочного индийского царевича Иоасафа и его духовного отца Варлаама. И не знают проскакивающие мимо, вечно спешащие посетители, что эти две фигуры хранят удивительную тайну. Ибо настоящее имя царевича – Сиддхартха Гаутама. Тот самый, которому суждено было задолго до пришествия Христа стать основателем одного из старейших на земле религиозных учений – буддизма. Вот так – ни много, ни мало:

Олег Павлович
Торчинский – журналист-
международник.

изображение Будды в главном соборе Древней Руси!

...Когда знаменитый венецианский путешественник Марко Поло (1254–1324) после многолетних скитаний по Азии вернулся домой, он привез с собой легенды о Будде и его деяниях. И был изрядно удивлён, обнаружив, что они давным-давно известны в Европе. Но в виде христианского жития, где индийский принц Сиддхартха, будущий Будда, превратился в царевича Иоасафа и под этим именем был занесён в святцы почти всех западных и восточных церквей.

В далёкой индийской стране, гласит житие, правил некогда могучий царь Авенир, ярый преследователь христиан. Даже его любимый царедворец Варлаам, принявший новую веру, вынужден был бежать в пустынь. Когда у Авенира родился сын, 60 мудрецов, собранных к колыбели, предрекли ему богатство и славу, но самый мудрый добавил: да, он будет велик и славен, но в ином царстве – христианском. И тогда царь спрятал сына в замке, изолированном от мира, где тот жил долгие годы счастливо и беспечно со своими сверстниками. Но однажды Иоасаф случайно вышел из ворот и увидел обезображенного проказой нищего, затем дряхлого старика и похороны. Так он узнал, что всех людей подстерегают болезни, старость и смерть.

Потрясённый несовершенством мира, принц впал в меланхолию. Однако аскет Варлаам по наитию свыше в своей далёкой келье узнал о трагедии принца и, переодевшись торговцем драгоценными камнями, поспешил в столицу и проник во дворец. Там он вёл с Иоасафом долгие беседы и указал ему путь к спасению: принц принял христианство. Авенир пытался вернуть сына в язычество: устраивал религиозные диспуты, подсылал к сыну прекрасных дев. Но Иоасаф выдержал все испытания. Через некоторое время он сам стал царем, правил мудро и милостиво, но, несмотря на просьбы народа, оставил трон и удалился в пустынь, чтобы рядом со своим учителем – старцем Варлаамом предаться подвигам самоотречения. В первоначальном буддийском варианте принц Сиддхартха после скитаний по свету садится под дерево в глухом лесу и после 48 дней и ночей бдения и борьбы с соблазнами достигает духовного совершенства и становится Буддой (Просветлённым).

Первый известный нам христианский вариант легенды – это грузинская рукопись начала VII в. «Мудрость Балавара», храня-

щаяся в одном из монастырей Синая. Грузинские монахи путешествовали по всему Востоку, жили в Палестине, Сирии, на Афоне, и где-то в их среде была впервые письменно зафиксирована переделка жития Будды в христианском духе.

Далее пути легенды приводят нас в Грецию, на гору Афон, в Иверский (т.е. грузинский) монастырь. В XI в. игуменом его был Евфимий Ивер, образованный книжник, знаток византийской житийной литературы. Сегодня все исследователи сходятся во мнении, что именно он впервые перевёл «Мудрость Балавара» с грузинского на греческий язык. И не просто перевёл, а создал новое произведение. Этому тексту и суждено было стать родоначальником всех последующих. Рядом с грузинским соседствовал на Афоне бенедиктинский монастырь, и итальянцы поддерживали с грузинами дружеские отношения, даже жили в их общине. Немудрено, что они одними из первых обрели греческую рукопись, известно даже имя грузинского монаха, передавшего её бенедиктинцам, – Лео. Первый латинский перевод был сделан в 1048 г. и через несколько столетий включен в знаменитый житийный сборник «Золотая легенда» Якопо да Варацци (начало XIV в.). А потом пошли переводы на сирийский, коптский, армянский, вновь на грузинский, даже на арабский...

На Руси повесть о Варлааме и Иоасафе стала известна немного позже, чем в Италии.

Извлечения из неё есть у Кирилла Туровского (XII в.), в других памятниках Киевской Руси, но полный текст перевода не сохранился, его, по-видимому, постигла участь всех других книг домонгольского периода. До середины XV в. на Руси ходил полный перевод с греческого, сделанный в начале XIV в. неизвестным автором, вероятно сербом. В XV в. появилась новая редакция, носившая сильный латинский отпечаток. Она была создана в кругах, близких к Иосифу Волоцкому и новгородскому епископу Геннадию. Первые русские печатные издания «Варлаама и Иоасафа» (XVII в.) воспроизводили именно эту версию.

Надо сказать, что и до того, как был сделан перевод всего сказания, древнерусские книжники включали в свои рукописи так называемые «притчи Варлаамовы», те, что рассказывал старец принцу, склоняя его к христианству. Это небольшие занимательные новеллы: о лучнике и соловье, о неверных друзьях, есть даже вариант арабской сказки из «Тысячи и одной ночи» о калифе на час. Одну из них – о человеке, преследуемом единорогом, использовал в своей «Исповеди» Лев Толстой.

Надо сказать, что и до того, как был сделан перевод всего сказания, древнерусские книжники включали в свои рукописи так называемые «притчи Варлаамовы», те, что рассказывал старец принцу, склоняя его к христианству. Это небольшие занимательные новеллы: о лучнике и соловье, о неверных друзьях, есть даже вариант арабской сказки из «Тысячи и одной ночи» о калифе на час. Одну из них – о человеке, преследуемом единорогом, использовал в своей «Исповеди» Лев Толстой.

Надо сказать, что и до того, как был сделан перевод всего сказания, древнерусские книжники включали в свои рукописи так называемые «притчи Варлаамовы», те, что рассказывал старец принцу, склоняя его к христианству. Это небольшие занимательные новеллы: о лучнике и соловье, о неверных друзьях, есть даже вариант арабской сказки из «Тысячи и одной ночи» о калифе на час. Одну из них – о человеке, преследуемом единорогом, использовал в своей «Исповеди» Лев Толстой.

Иллюстрации Ладо Гудиашвили к повести «Мудрость Балавара» воспроизводятся по книге: Lado Gudiashvili / Л., 1984.

Презентация журнала

19 апреля 2005 г. состоялась презентация журнала «Восточная коллекция» в московском магазине «Белые облака». Этот магазин, который позиционирует себя и в качестве культурного центра, известен как место, где посетителю предлагается в широком ассортименте литература о Востоке и разнообразные предметы, происходящие из азиатских и африканских земель.

Перед почитателями Востока, собравшимися в салоне в тот дождливый вечер, выступили авторы, опубликовавшие свои произведения в первом номере журнала 2005 г., – известный индолог Ирина Глушкова и президент Ассоциации по изучению Древнего Египта «МААТ» Виктор Солкин, а также редактор нашего журнала китаист Леонид Якимович.

Вёл вечер и рассказывал о «творческой кухне» журнала главный редактор Александр Полещук.

Теперь и в «Белых облаках» продаётся наш журнал.